
ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Институциональные основы неравенства в современном обществе¹

М.Ф. ЧЕРНЫШ*

***Михаил Федорович Черныш** – член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, заместитель директора, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: che@isras.ru

Цитирование: Черныш М.Ф. (2021) Институциональные основы неравенства в современном обществе // Мир России. Т. 30. № 3. С. 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28

В современных обществах проблема неравенства вновь встала в ряд наиболее острых и трудно разрешимых. Неравенство в экономическом и других измерениях жизни имеет тенденцию к увеличению не только в развитых странах, но и государствах, которые принято относить к категории развивающихся. В общественных науках исследования неравенства имеют давнюю историю. Во многих схемах объяснения неравенства ключевое значение придается социальным и политическим институтам. Если в середине прошлого века было принято рассматривать институты как объективно заданные системы норм, обеспечивающие непротиворечивость существующих социальных практик, то в дальнейшем применительно к сложным обществам институты стали изучать как продукт отношений властвующей элиты и гражданского общества. В ситуации, когда гражданское общество и его организации ослабевают, когда общество «десубъективизируется», усиливается влияние элиты, манипулирующей существующими нормами. Сложившийся консенсус конформности нарушается по мере того, как общество перестает быть индустриальным, утрачивая присущие последнему качества рутинизации и бюрократизации общественной жизни. В более сложном обществе возникает запрос на политику равенства, включающую в себя не только равенство законодательное, но и социальное, предлагающее возвращение к идее развитого социального государства.

Ключевые слова: социальные институты, неравенство, классы, статусные различия, властвующая элита, гражданское общество, социальный характер

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 21-18-00489 «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации».

Российская травма

В современном российском обществе немало проблем, но одной из самых острых, а возможно, самой сложной является неравенство, масштаб которого иллюстрируют далеко не полные и не вполне надежные данные Росстата [Федеральная служба государственной статистики]². В 2020 г. средний доход домохозяйства³ в первом дециле составил 27960 руб., в десятом дециле – 150815 руб. Это означает, что в первом дециле, где сконцентрированы граждане с наиболее низкими доходами, средний доход на одного человека равнялся 9320 руб. (примерно 104 евро), а децильный коэффициент, рассчитанный на данных государственной статистической службы, составлял 5,39. При этом необходимо учесть, что эта цифра получена с помощью массового опроса, который, как показывает социологическая практика, относит к разряду недостижимых настоящий верхний дециль, включающий в себя высокопоставленных чиновников, руководителей государственных и частных компаний, работников правоохранительных органов, высший командный состав Вооруженных сил РФ. Иные основания для расчета неравенства в России использовали в докладе, посвященном России, французские исследователи П. Новокмет, Т. Пикетти и Г. Зукман [Novokmet, Piketty, Zucman 2017]. Они комбинировали различные российские и зарубежные источники, включая данные об уплаченных налогах, однако эти цифры не дают полной картины, поскольку среди представителей верхнего дециля, настоящего, а не выделяемого на основе массового опроса, в той или иной форме популярны стратегии сокрытия доходов, ухода от налогов и вывода денег за рубеж. По произведенным ими расчетам, за рубежом остались неучтенными примерно 200% всех экспортных доходов России с 1990 по 2015 г., осевших, по-видимому, в офшорах [Novokmet, Piketty, Zucman 2017, p. 20]. По данным, содержащимся в докладе, в этот период в России 1% наиболее состоятельных россиян получал около 20% совокупного дохода [Novokmet, Piketty, Zucman 2017, figure 11c]. Это примерно столько же, сколько получает 1% самых богатых граждан США с той лишь разницей, что суммарный доход, который делится таким образом, в США во много раз больше, а стандарты жизни намного выше. В европейских странах, где стандарты жизни и заработные платы в разы больше, чем в России, 1% получает существенно меньшую долю общего «пирога» (например, во Франции – около 12%). В западных странах в противовес неравенству работает система трансферов, осуществляемых европейскими государствами и централизованно Евросоюзом: согласно расчетам специалистов Евростата, в отсутствии трансферов коэффициент Джини в европейских странах поднялся бы до 0,51, тем не менее в настоящее время в среднем по странам ЕЭС, включая самые бедные и неблагополучные, он равен 0,30 [Living Conditions in Europe – Income Distribution and Income Inequality]. Согласно данным доклада П. Новокмета, Т. Пикетти и Г. Зукмана, коэффициент Джини, фиксирующий уровень неравенства в современной России, равен 0,44, если применяется опросный метод, и 0,52, если используются фискальный подсчет, опирающийся на данные о налоговых

² Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/search?q=Доходы+населения>

³ Средний размер домохозяйства в РФ составляет 3 чел.

сборах (рисунок 1)⁴. Даже если не брать верхнюю планку (явно более достоверную), то и нижний предел существенно выше, чем в большинстве развитых стран. Уровень неравенства, аналогичный российскому, наблюдается в странах, которые принято относить к мировой периферии или полупериферии: Бразилии, Мексике, большинству стран Африки.



Рисунок 1. Динамика изменений коэффициента Джини в России, 1980–2015⁵

Неравенство делит российское общество на два «мира»: «мир благополучия», где царит «престижное потребление», и «мир нужды», где доходов не хватает на самое необходимое. По данным социологического исследования «Социальные различия в современном российском обществе», проведенного в 2015 г., 14% населения страны не могли на тот момент свести концы с концами, доходов им не хватало даже

⁴ [Novokmet, Piketty, Zucman 2017, figure 10c].

⁵ Распределение доходов (до уплаты налогов и трансферов, кроме пенсий и пособий по безработице) с учетом размера домохозяйства (доходы семьи, деленные на два). Оценки на основе данных о национальном доходе объединяют данные исследований, налоговых деклараций, счетов благосостояния и национальных счетов. Фискальный доход объединяет данные исследований и данные об уплате налогов (но не использует данные о благосостоянии, т. е. о доходе от капитала, не облагаемого налогом). Опросные данные базируются на данных, полученных в ходе интервью.

на то, чтобы купить одежду⁶. Для 57,7% проблемой становилось приобретение вещей длительного пользования: холодильника, телевизора или стиральной машины. К благополучной страте принадлежали лишь 7,5% населения, это и был на тот момент предел, в рамках которого находился российский средний класс. При этом к верхней страте среднего класса можно было отнести в полной мере только 0,7% населения, не испытывающих материальных затруднений. Ситуация осложнялась еще и тем, что транзит в «мир нужды» российское общество совершило в короткие сроки, в течение одного десятилетия, и в общественном сознании тот социальный порядок, который возник на обломках прежней распределительной системы, не имел и не имеет прочных социокультурных оснований, коренящихся в вековых традициях и рождаемой ими оправдательной мифологии. В каком-то смысле можно говорить о том, что большинство российских граждан по-прежнему являются носителями эгалитарных модернизирующих ценностей социалистической эпохи, и эти ценности находятся в противоречии с тем запредельным неравенством, которое породила эпоха реформ начала 1990-х гг.

Экономическое неравенство «периферийного типа» в России значимо связано с неравенством в других сферах жизни, например, в уровне доступа к тем услугам, которые по закону в развитом обществе должны быть общим благом. Именно это свойство неравенства позволило Горан Терборну охарактеризовать его как «поле смерти» [Therborn 2013]: неравенство не убивает напрямую, как это делают тоталитарные режимы (в названии книги Г. Терборна содержится метафора, отсылающая к практикам социального геноцида в Камбодже времен Пол Пота), но так структурирует общество, что возможности выживания оказываются зависимы от социального статуса. Корреляция между социальным статусом и жизненными возможностями наиболее ярко иллюстрируется положением дел в сфере здравоохранения. По данным уже упоминавшегося исследования, в наиболее благополучной группе (не имеющие материальных проблем) доля тех, кто получал медицинскую помощь всегда в полном объеме или в большинстве случаев, равнялась 68,4%, в наименее благополучной группе (денег не хватает даже на питание) – 41,6%. В группе наиболее состоятельных россиян доля тех, кто пользовался услугами частной медицины, как правило, менее обремененной бюрократией, проволочками, располагающей современным оборудованием, составила 71,4%, в группе бедных – 7,5%. В группе состоятельных россиян доля тех, кто в случае необходимости получал платную медицинскую помощь за рубежом, составляла 8,7%, в группе бедных таких не было вообще. Поэтому неудивительно, что доля удовлетворенных состоянием российской системы здравоохранения в группе состоятельных россиян равнялась 54,3%, а в группе бедных – 20,7%. Речь идет о социальных различиях, имеющих свойство влиять на качество и продолжительность жизни, и по этим двум показателям состоятельные россияне существенно превосходили и превосходят остальные страты населения.

Полемика о неравенстве в общественных науках поднимает ряд важных вопросов: каковы причины социального неравенства в современных обществах? одинаковы ли они для разных обществ? каким образом крайнее неравенство, характерное для постсоветских обществ, может быть преодолено? каких принципов

⁶ Международное исследование «Социальные различия в современной России» (SDMR), проведенное совместно Институтом социологии РАН и Александровским институтом Университета Хельсинки в 2015 г., базировалось на случайной стратифицированной выборке объемом в 5335 респондентов.

необходимо придерживаться, выстраивая политику равенства и справедливости? В общественных науках исследования неравенства и порождаемых им проблем имеют давнюю историю, и на многие вышеперечисленные вопросы можно найти ответы. Именно эти ответы и стали предметом рассмотрения в этой статье.

Уравнительное «наследство» современных обществ

Во второй половине XX в. в общественных науках распространилась точка зрения, согласно которой неравенство перестало быть наиболее острой проблемой современных обществ, и которая подтверждалась, казалось, изысканиями в различных сферах общественной жизни. Во-первых, социальный порядок, установившийся в развитых странах после Второй мировой войны, способствовал сглаживанию серьезных противоречий, в основе которых лежало экономическое неравенство. В «Диалектике просвещения» Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно, констатируя уход конфликта между классами на второй план, находили причину этого в роли государства, которое, вооружившись новыми социальными технологиями, получило возможность навязывать обществу объединяющий гегемонический проект [Хоркхаймер, Адорно 1997]. В обществах, где власть устанавливала тотальный контроль над ним, сама идея протеста превращалась в крамольную, что парадоксальным образом ставило разные слои населения в равное положение. Тоталитарные режимы, жестко подавляя любые формы классовой мобилизации, заставляли граждан принять общую идеологию, будь то фашизм или коммунизм. «Гегемонический» государственный проект, о котором писали М. Хоркхаймер и Т. Адорно, имел еще одну важную особенность: в нем открыто или латентно присутствовали уравнительные идеи, которые в свою очередь воплощались в соответствующих эгалитаристских практиках: гарантированной занятости и доходе, умеренном процветании каждой семьи, уверенности в будущем. В тех же обществах идеи, которые избежали соблазна тоталитаризма, эгалитарные настроения находили отражение в электоральных предпочтениях. Граждане регулярно отдавали голоса тем политическим силам, которые выступали за развитое социальное государство и политику фактического равенства в важнейших областях жизни: образовании, здравоохранении, социальной защите для старшего поколения. На этом фоне неравенство в уровне доходов и доступе к социальным благам в развитых обществах действительно начало сокращаться, и эта тенденция продолжалась вплоть до конца 1970-х гг. Наиболее яркой иллюстрацией тенденции к сокращению неравенства является так называемая кривая американского экономиста Саймона Кузнецца, убедительно демонстрирующая, что от года к году общий для развитых стран уровень доходного неравенства и уровень неравенства в каждой отдельной развитой стране последовательно уменьшались, приходя к минимальным значениям в скандинавских странах и сохраняясь на примерно одном уровне в странах с развитыми либеральными традициями [Kuznets 1955]. Одним из следствий политики равенства в странах Запада стала парадоксальная ситуация: в странах Скандинавии, капиталистических по определению, бытовавшему в советской общественной науке, уровень неравенства был примерно таким же, как и в СССР, а если учесть скрытые формы неравенства, которые существовали в советском обществе, то, возможно, был даже ниже, чем в стране развитого социализма.

Во-вторых, идеи равенства встали на прочную институциональную основу. Речь идет о постепенном, происходящем с неизбежными отступлениями и притормаживаниями признании гражданского равенства всех классов и слоев населения. Проект всеобщей политической эмансипации победил все остальные, обеспечивая гражданам возможность вести политическую агитацию, участвовать в выборах и влиять таким образом на исход политической борьбы; остались в прошлом и попали под запрет идеи биологической неполноценности отдельных рас и народов. И хотя идеи биологических различий в уровне интеллекта регулярно возвращаются в научный оборот в оболочке «реализма», настаивающего на полном учете всех социальных факторов, все же господствующей стала идея равенства всех граждан, независимо от пола, цвета кожи, национальной принадлежности. Любые попытки вернуться к вопросу о биологических различиях неизменно вызвали жесткое осуждение в научном сообществе, а сторонникам подобных подходов приходилось испытать на себе не только гнев коллег, но и тяжесть институциональных санкций вплоть до лишения научных регалий и званий.

В-третьих, экономическому равенству способствовало вступление развитых, а затем развивающихся обществ в фазу развитого потребительства, подразумевавшего расширение доступа граждан к современным благам и удобствам. Холодильники, стиральные машины, жидкокристаллические телевизоры, аппараты мобильной связи, включая смартфоны, вошли в широкий обиход, стали доступны для подавляющего большинства тех, кто живет в развитых странах, и значительной части населения так называемых развивающихся стран. В потребительских практиках утвердились различия, относящиеся к области символического, заключенные в предпочтениях одних брендов другим. Речь не шла более о потребительской эксклюзивности, о полной невозможности для каких-то слоев населения иметь доступ к современным благам. Градация потребительских возможностей становилась плавной, исключавшей резкие переходы, кроме, разумеется, неизбежных для капитализма различий между крупными собственниками и остальным населением. Подобные изменения позволили ряду экономистов объявить новую эпоху в мировом развитии, характеризующуюся нарастающим равенством, движением ко всеобщему благополучию и неизбежному выравниванию жизненных возможностей как в масштабах одной страны, так и в глобальном контексте. Деление общества на классы, утверждали Ян Пакульски и Малькольм Уотерс, не имеет в новую эпоху прежней актуальности [*Pakulski, Waters 1995*]. Резкие контрасты, характерные для старого капитализма, сменились мягкими различиями в потребительских предпочтениях. И действительно, разве так уж важно то, что представитель верхней страты приобретает роскошный Mercedes, а рабочий имеет возможность купить комфортный, удобный и надежный Volkswagen? Различия, свойственные новой эпохе, выражены не в противостояниях «имеющих» и «не имеющих», а в стилях жизни: капиталист отдыхает на Багамах, а рабочий делает выбор в пользу Андорры, где в отпускной период катается на горных лыжах.

Новая волна «пандемии» неравенства

В конце 1990-х гг. ожидания полной победы над неравенством сменились настороженностью: на излете 1980-х его кривая в большинстве стран развернулась

вверх, сначала робко, но затем – более стремительно. О причинах этого поворота обществоведы спорят по сей день. Некоторые исследователи, такие как Джозеф Стиглиц, предполагают, что упомянутый поворот напрямую связан с крахом развитого социализма, который в какой-то степени до последних дней являл собой живую альтернативу безудержному капитализму *laissez-faire*, принуждал элиты западных обществ мириться с существованием социального государства и, соответственно, с высокими налогами [Stiglitz 2003]. Второе возможное объяснение находит причины неожиданного поворота от эгалитаризма к неравенству в широком распространении неолиберальной модели экономического развития «тэтчеризма» и «рейганомики», вектором которой стало существенное сокращение налогов для богатых и вровень с ним уменьшение государственных социальных расходов. Пропагандой и навязыванием неолиберальной модели занимались и международные экономические институты, прежде всего Международный валютный фонд и Всемирный банк. Популяризатор неолиберальных идей Томас Фридман, разъясняя новые правила экономической игры, сводил ее к нескольким основным пунктам [Friedman 1999]. Первый из них заключался в понижывающем мировую экономику сверху вниз принципе «жить по средствам». Предполагалось, что этому правилу будут следовать как государства, так и отдельные территории, как предприятия, так и семьи. В прошлом должны были остаться кейнсианские идеи, делающие акцент на потребительский спрос, формируемый, в числе прочего, государственными социальными программами. Государство при этом нередко залезало в карман к будущим поколениям, полагая, что благодаря экономическому росту набравшая силу экономика в перспективе с легкостью покроет бюджетные бреши.

Второй принцип, поддерживаемый Т. Фридманом, заключался в устойчивости, достигаемой за счет отказа от завышенных экономических ожиданий и концентрации производственной деятельности в тех секторах экономики, где она наиболее рентабельна. Так, если в Греции (имея в виду тысячелетнюю традицию) наиболее эффективно выращивать оливки, то в Японии (опять же с акцентом на национальные особенности) – собирать автомобили *Lexus*. Считается, что в масштабах мировой экономики подобная специализация дает импульс всеобщей производительности и создает возможности для наиболее выгодного обмена товарами и услугами. В подобном подходе нет ничего нового: экономическая специализация как принцип глобальной экономики была заявлена еще Дэвидом Рикардо, приводившим в доказательство своего тезиса пример Великобритании, производящей сукно, и Португалии, предлагающей в обмен на него свое вино [Афанасьев 1988]. Вопрос заключается лишь в том, что продукция высокого передела всегда дороже продуктов, производимых с помощью традиционных технологий, а страны, экономика которых ориентирована на производство традиционных продуктов или сырья, навеки обречены оставаться в той нише мирового производства, которую Иммануил Валлерстайн охарактеризовал как «периферию» или «полупериферию» [Валлерстайн 2020]. Выход из ловушки, в которой оказываются производители оливок, связан неизменно с развитием новых, современных производств, но это происходит только тогда, когда развитием начинают заниматься совместно государство и зарубежный бизнес – зарубежный потому, что именно за пределами традиционной ойкумены тиражируются наиболее современные технологии.

Активное продвижение неолиберальных идей было возможно в силу ряда обстоятельств, сопутствовавших неолиберальному проекту или ставших его

непреднамеренными последствиями. Первым из них можно назвать универсальный тренд ослабления профсоюзного движения – потерю им влияния на процессы принятия политических решений и, возможно, как следствие, снижение его веса в торге между работодателями и наемными работниками. Во многих странах профсоюзы оказались объектом откровенного и жесткого давления со стороны правительств неолиберальной ориентации, исходивших из того, что подобный институт не должен иметь влияния там, где общества нет, а есть лишь семьи и индивиды. Напомним, что именно эту позицию заняла Маргарет Тэтчер, объявившая войну профсоюзам горняков, выигравшая ее и добившаяся закрытия шахт, несмотря на организованное сопротивление рабочих. В неолиберальном проекте за профсоюзами оставалась роль стороны, способной торговаться с нанимателями по частным вопросам, объявлять забастовки и добиваться в некоторых случаях отдельных уступок, но возможность влиять на политическую власть в организованном порядке исключалась. Джеймс Гэлбрейт считает, что сокрушить власть профсоюзов удалось, кроме всего прочего, еще и по причинам структурного характера [Galbraith 2016]. Доля рабочих, занятых в сфере крупномасштабного производства в экономике развитых стран в 1970–1980-е гг., заметно снизилась во многом благодаря перебазированию производящих мощностей в страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки: «К Большой Рецессии занятость в производящих отраслях сократилась до 8% всего занятого населения, а членство в профсоюзах – до 6%. Профсоюзы по-прежнему оказывали значительное влияние во многих отраслях, но способность профсоюзов противодействовать политике хозяев предприятия в масштабах страны, их способность влиять на распределение заработной платы была в США серьезно подорвана» [Galbraith 2016, р. 74]. При этом в развитых странах выросла доля наемных работников, занятых в сфере обслуживания, где организованное профсоюзное движение в той форме, в которой оно существовало на больших предприятиях, было невозможно. В то же время предприятия, перемещенные в развивающиеся страны, могли действовать без оглядки на профсоюзы: в структуре институтов им отводилась либо номинальная роль, напоминавшая по функционалу советскую «школу коммунизма», либо роль робких соглашателей, готовых принять любые действия работодателей. Справедливости ради следует признать, что профсоюзы оказались, по крайней мере в США, податливым материалом для внешних влияний. В конце 1940-х гг. на склонность профсоюзов к политической апатии указывал Чарльз Райт Миллс, полагавший, что их лидеры оставляют за организацией заботу о «хлебе и масле», не забывая при этом свой собственный материальный интерес [Mills 1948]. Попытки профсоюзных деятелей занять иную позицию пресекались или с помощью идущих на поводу властей судебных органов, или путем физического устранения неугодных активистов.

Сохранить социальные завоевания, включая оплату труда работников, оказалось затруднительным и по ряду других причин структурного характера. Во-первых, за время Второй мировой войны рынок труда в развитых странах претерпел серьезные изменения: женщины доказали, что могут на многих производствах успешно заменять мужчин, призванных в Вооруженные силы. В дальнейшем присутствие женщин на рынке труда неуклонно увеличивалось: сыграли свою роль борьба женщин за равенство, политика идентичности и, в конечном итоге, политика выравнивания жизненных шансов в форме «позитивной дискриминации». Во-вторых, параллельно с увеличением доли занятых женщин в 1960–1970-е гг. шел

и другой процесс. Так, развитые страны постепенно приоткрывали границы для выходцев из развивающихся стран: США – для так называемых латиносов (выходцев из Латинской Америки), Великобритания – для граждан Содружества наций, в которое входили бывшие британские колонии, Франция – для выходцев из Алжира и других франкоязычных стран Африки, Германия – для турецких рабочих, которые должны были заполнить на выгодных условиях вакансии на немецких предприятиях. Названные процессы были лишь «поверхностными» симптомами радикальных изменений, охвативших ключевые институты западного общества: семью и семейные отношения, образование, государственное управление. Чарльз Райт Миллс не случайно усмотрел в этих тенденциях признаки деградации общества как субъекта, способного влиять на политические процессы, и одновременно усиления гегемонии правящих элит: политической, корпоративной, финансовой и военной. Властвующие элиты, полагал он, объединены в «дружеские» или даже родственные сети и насаждают благодаря системе неформальных связей гегемонию в области принятия политических и экономических решений, контролируя при этом культурные процессы, устанавливая негласный контроль над средствами массовой информации [Миллс 1959]. В большинстве развитых и развивающихся стран в конце XX в. активно формировался суперкласс, насчитывающий в своих рядах несколько тысяч крупнейших собственников, обладателей крупнейших состояний, хозяев средств массовой информации и социальных сетей. Властвующая элита не только подчиняла себе наиболее ценные экономические активы, но устанавливала правила игры, навязывая более слабым государствам политику, которая им была невыгодна и вела к сохранению неравенства в глобальной перспективе [Domhoff 2017]. Речь шла о первых этапах становления глобальной транснациональной элиты, убежденной в справедливости существующего порядка и едва ли не биологической обоснованности собственной гегемонии, любое покушение на которую рассматривалось ею как нелегитимное [Freeland 2012].

Социальное неравенство и институты

В постиндустриальную эпоху в общественных науках идея человека, каждодневно совершающего рациональный выбор, была подвергнута глубокой ревизии. Речь шла о ренессансе в общественных науках культурной программы, признающей сильным влияние факторов социализации: среды обитания, семьи и других социальных институтов. Одной из сложностей, обнаружившихся в подобных подходах, стало многообразие определений институтов, имевших хождение в социальных науках: философии, социологии, антропологии. То общее, что можно было бы взять за основу во всех этих определениях, приближалось к классическому дюркгеймианскому определению, предлагавшему рассматривать внешние, принуждающие социальные силы как объективные, существующие за пределами воли отдельного человека или даже большой социальной группы. Речь шла о внеположных нормативных структурах, которые Джонатан Тернер предлагал рассматривать как «комплекс позиций, ролей, норм и ценностей, свойственных определенным типам социальной структуры, придающим человеческой деятельности относительно стабильную форму, направленных на решение фундаментальным проблем произ-

водства жизненно важных ресурсов, воспроизводства индивидов и социальных структур в определенной среде» [Turner 1997, p. 6].

Представления о комплексности, т. е. системности и взаимосвязанности институтов, явились второй общей компонентой подавляющего большинства определений. И действительно, как справедливо отмечал Альфред Радклифф-Браун, институты не смогли бы эффективно работать, если бы мешали друг другу, если бы нормы поведения, которые они диктовали, вступали между собой в противоречие. А. Радклифф-Браун назвал явление взаимной подстройки институтов «коадаптацией» – процессом взаимного приспособления, причем не только в нормах и ценностях, но и практиках, которые также не должны были провоцировать конфликты [Radcliffe-Brown 2018]. Эта идея получила признание не только в трудах ранних антропологов, исследовавших первобытное общество, но и в работах социологов, изучавших формирование современных общественных структур, например в книге Герберта Спенсера [Spencer 1996], который считал, что без синхронной работы институтов невозможна типологизация обществ на военные и промышленные. Общества определенного типа, полагал Г. Спенсер, не только организованы соответствующим образом (а это залог их устойчивости), но и производят характерные социальные идеалы, а также, выражаясь современным языком, устойчивые моральные дискурсы. В военном обществе лейтмотив выражен в идее подвига и служения, в обществе промышленном преобладает идея предпринимательства, изобретения, творчества. Качества системности и исторической обусловленности делают невозможным заимствование институтов или их сознательное конструирование по заранее разработанным лекалам. Процесс институциональной дифференциации обществ ведет, считал Г. Спенсер, и к становлению сложной социальной структуры, в которой именно институты, принявшие форму организации, производят иерархии, расставляют людей по ступенькам социальной лестницы.

Схожие идеи содержатся в трудах Питирима Сорокина, настаивавшего на интегративных подходах к циклам общественной эволюции [Sorokin 2017]. Сорокина отличало желание объяснить, используя институциональные кластеры, ориентации населения на материалистические или контрматериалистические ценности. В каждом обществе, на каждом этапе его развития именно ценности и нормы поведения рождали основу для преобладающих практик в повседневной жизни. Эволюция общества представлялась П. Сорокиным как постепенный, через промежуточные состояния, переход в иную культуру, в иной нормативный порядок. И здесь, в этом контексте, неравенство не возникает как игра случайных экономических сил, а определяется координированной работой институтов, имеющих в основании одобряемые большинством нормы и ценности.

Лекарство экономического роста

Либеральные мыслители середины 1970-х гг. сделали попытку обойти идею координированного влияния институтов на неравенство, выставив настоящим, охраняющим свободу принципом улучшения жизни экономической рост. Американский экономист Роберт Лукас предложил отказаться от рассмотрения вопросов перераспределения, потому что решительные успехи в борьбе с бедностью, по его мнению,

могут быть достигнуты только посредством «увеличения объемов производства». Если экономика растет, полагал Р. Лукас, а объем производства увеличивается, то сокращение числа неимущих в обществе происходит само собой за счет повышения уровня заработных плат и одновременного увеличения рыночного предложения [Lukas 2002]. Эта идея пользовалась поддержкой не только в среде экономистов – ее активно продвигали известные социологи, такие, к примеру, как Ральф Дарендорф. В книге «Современный социальный конфликт» он, споря с идеей перераспределения, приводит в пример Никарагуа после победы левой революции [Дарендорф 2002]. В дореволюционный период в Никарагуа воспроизводились крайние формы неравенства, а общество было поделено на небольшую клику богатых, владеющих наиболее ценными активами, и остальное население, балансирующее на грани нищеты и занятое выживанием. Свергнувшие коррумпированный правящий режим сандинисты решили восстановить справедливость и учредить равное, нормированное распределение. В результате все те товары, которые ранее находились в свободном доступе, оказались в дефиците и, как и прежде, недоступны для бедного населения. Р. Дарендорф окрестил эту ситуацию «парадоксом Мартинеса» (по имени министра финансов правительства сандинистов). Показательным было то, что перераспределение не привело к искомому результату, а уровень жизни населения остался на прежнем, дореволюционном, уровне или даже снизился.

В исторической перспективе упование на экономический рост как панацею, которая решит проблему неравенства, себя не оправдала. Выяснилось, что экономический рост сам по себе не способен решить проблему неравенства, выходящую за рамки экономической сферы, но при этом связанной с ней множеством нитей. Примером может служить широко обсуждаемая проблема расового неравенства. За последние полвека экономика стран, где эта проблема существует, многократно выросла, но проблема не исчезла даже в США, где борьба за равенство чернокожих ведется более столетия. Власть в США сделала немало для того, чтобы уравнивать чернокожих и белых, чернокожие получали множество ощутимых привилегий при поступлении в вузы и найме на работу, но названные привилегии несколько не уменьшили накал американских расовых противоречий. На проверку оказалось, что вкуче экономические меры, предполагающие выдачу пособий, сертификатов на жилье, льготное образование и льготный найм на работу, хотя и улучшили положение «субалтернов» – низших слоев общества, тем не менее не сняли проблему неравенства с американской повестки дня. Достаточно было одной искры (например, убийства полицейскими чернокожего правонарушителя), чтобы пожар внутреннего конфликта разгорелся с новой силой.

Особые права, которые получают чернокожие, являются для многих американцев нарушением важнейших норм равенства, которые закреплены в основополагающих документах, регулирующих жизнь американского общества: справедливость входит в этом случае в противоречие со справедливостью процедуры. Но как же тогда решать проблему неравенства, особенно в тех его вариациях, которые принимают форму «невидимых барьеров», «молчаливого согласия»? Невидимые барьеры нередко толкают чернокожих в криминальную среду, отсюда создается двойственная ситуация, когда большинство преступников – чернокожие, а большинство их жертв – люди с белой или светлой кожей. Невидимые препятствия обнаруживают себя в тот самый момент, когда чернокожие конфликтуют с законом. Здесь возникла и никуда за последние десятилетия не исчезла проблема *police shooting*. Американ-

ские полицейские, как показывает статистика, гораздо жестче реагируют на чернокожих нарушителей закона, чем на белых: они чаще в случае конфликта открывают огонь на поражение. Американский психолог Джошуа Коррелл установил этот эффект экспериментально: в компьютерной игре, в которую должны были сыграть в рамках тестирования сотрудники правоохранительных органов, полицейские быстрее (с меньшей паузой) открывали огонь на поражение в том случае, если их виртуальным оппонентом был чернокожий правонарушитель [Correll et al. 2014]. Дж. Коррелл с коллегами выяснили, что задержка между действием чернокожего и выстрелом полицейского увеличивалась в том случае, если у полицейского был предварительный положительный опыт общения с чернокожими – дружба с кем-то из них, товарищеские отношения, включая отношения по работе. Эксперимент Дж. Коррелла предметно показал, что равенство имеет, помимо прочего, предельное культурной интеграции – общие ценности, общую жизнь, понимание того, что те «иные», которые сегодня стоят ниже на социальной лестнице, принадлежат тому же миру, имеют схожие ценности, готовы следовать тем же культурным нормам, что и те, кто в данный момент выше их по социальному рангу.

Фокус исследования был направлен на одну особенность социальных институтов: формальные нормы, выраженные в «речевых институциональных актах», могут иметь разные интерпретации, по-разному трактоваться различными акторами. Полицейские, в зависимости от личного опыта, в одном случае применяли табельное оружие, в другом – затягивали паузу, понимая, что в действиях подозреваемого нет определенности. Институциональная норма входит в контакт с областью неформальных стереотипов, верований и убеждений, свойственных конкретному индивиду, развернутой в прошлое системой социальных отношений. Речь идет о так называемой когнитивной рациональности, которую Раймон Будон назвал одним из важнейших оснований моральной нормы [Boudon 2010, p. 75]. Глубина неравенства в обществе определяется не только формальной нормой, выраженной в законодательстве, которое, как правило, объединяет в себе схожие ценности (равенство всех граждан перед законом, право участия в формальных демократических процедурах в субъектной роли выбираемого или выбирающего, свободу совести и свободу выражения политической позиции), но и неформальной «когнитивной» поведенческой рациональностью, которая тем сильнее и влиятельнее, чем слабее формальная норма, чем больше свободы у правящих элит в ее трактовке.

Сглаживание неравенства через регулирование институтов

Именно эта идея лежит в основе работ неинституционалистов и, прежде всего, Эрнандо де Сото, который посчитал возможным изменить в Перу бедственное положение крестьян через легитимацию владения земельными наделами, т. е. посредством политики усиления формальной нормы и, соответственно, ослабление неформальной, воспроизводимой системой отношений в местных сообществах [де Сото 1995]. Запутывание, иногда намеренное, отношений собственности, полагал он, имеет следствием преобладание в экономической и общественной жизни так называемых понятий – неформальных институтов, предполагающих неформальные платежи и, соответственно, не контролируемый государством

денежный оборот. Выведение земельного оборота из тени, по его мнению, позволит крестьянам обрести истинную независимость, вести дела без оглядки на теневых дельцов, получать официальное кредитование без неформальных платежей «сверху» во благо местным мафиозным кланам. Как показала практика, реализовать эту прогрессивную идею оказалось непросто: в обществе, где неформальные правила игры конкурируют с институтами, легитимизуемыми государством, выход из тени сопряжен с реальными рисками и потерями, а симбиотические взаимодополняющие нормы поведения обнаруживают в столкновении с формальной нормой замечательную устойчивость. Противостоять неформальным нормам необходимо, полагал Э. де Сото, вынося важные решения, которые принимает правительство, на всеобщее обсуждение, не фейковое, администрируемое сверху, а реальное, с участием тех, кого принимаемое законодательство касается. После принятия эффективность закона или указа должны быть оценены, причем именно с точки зрения тех целей, которые ставятся в нем открыто, а не в рамках скрытой программы манипулирования общественным мнением.

Вывод, который логически вытекал из рассуждений Э. де Сото и тех, кто исследовал «темные стороны» сложившейся системы неравенства, мог бы звучать следующим образом: в разных обществах, с разным уровнем развития социальные институты имеют разную конфигурацию. Они почти всегда являются продуктом сложившихся в обществе отношений господства и подчинения, отношений между «властвующей элитой» и населением. В той области, которая Максом Вебером характеризуется как статус, символический ресурс гомологически воспроизводит господствующую в обществе идею: экономический ресурс и политическое влияние становятся основой для иерархии статусов, в т. ч. тех, которые закреплены в форме статусных привилегий. Эти привилегии, как показывает практика, могут иметь формальный характер, но чаще реализуются в области неформальных, сетевых взаимодействий. Именно в этой области символический статус, добавляемый к статусу формальному, существенно расширяет доступ к ресурсам – экономическим и социальным. В обществах с высоким уровнем неравенства неформальный статус и неформальные правила игры нередко превалируют над формальными, манипулируя ими в пользу игроков, обладающих наибольшим влиянием.

Что же в этом устойчивом институциональном порядке работает на поддержание неравенства? Во-первых, сохранение, зачастую вопреки логике развития, традиционных, архаичных форм производства и, прежде всего, производства сырья и сельскохозяйственной продукции. Даже в тех случаях, когда иностранные корпорации приносят извне в эти архаичные области современные технологии, их влияние на экономику и социальный порядок носит ограниченный характер. Во-вторых, исторически обусловленные в конкретной стране традиции политического действия, присутствие в политическом поле «просвещенной публики», готовой критиковать сложившуюся систему социальных отношений и влиять на исход легитимных политических процедур. В-третьих, важную роль в том, как развивается ситуация, играет структура властвующей элиты, соотношение в ней политической, военной и предпринимательской составляющих, а также качество каждой из них. Десубъективация общества приводит, как правило, к институциональному порядку, в рамках которого акцент делается на нормы, защищающие интересы элиты, обеспечивающие ее преимущества и безопасность. Маловероятно, что подобный институциональный порядок мог стать площадкой для обсуждения

политики общего блага, пространством социальных коммуникаций, помогающих сформировать адекватные представления о социальных обязательствах предпринимательской элиты и государства.

Теория институционального равенства Р. Дарендорфа

Ральф Дарендорф входит в плеяду социологов послевоенной формации, наблюдавших трагические события XX в., а иногда и напрямую в них участвовавших. Будучи приверженцем умеренных левых идей, как и его отец, Р. Дарендорф в юном возрасте оказался в нацистском концлагере, освобожден только в конце войны после капитуляции Германии. Именно этот факт его биографии, а возможно, и послевоенный политический опыт подсказали ему основные темы теоретического исследования: современное общество, неравенство и рожденные им конфликты. В 1968 г., обобщая свои взгляды, Р. Дарендорф опубликовал статью на избитую, казалось бы, тему – о происхождении неравенства [*Dahrendorf* 1968, pp. 151–179]. Пик полемики на данную тему пришелся на послевоенное время, но к 1970-м гг. эти споры как будто утратили остроту. Сказалось и то, что во многих странах Европы усилилось, сделалось богаче и эффективнее социальное государство, и того неблагополучия, которое бросалось в глаза в XIX в., уже не было. Советский опыт, вызывавший прежде немалые споры, потерял к этому времени всякую привлекательность: СССР явно проигрывал Западу, налагая тяжелые ограничения на поведение граждан, и это при том, что к тому времени стало очевидным советское неравенство – разница жизненных возможностей между номенклатурой и рядовыми гражданами. И все же очень прозорливо, обращаясь на тот момент к опыту развивающихся стран, Р. Дарендорф возвращается к теме происхождения неравенства, к самым ее истокам.

Первые утверждения в спорах о неравенстве делались в глубокой древности великими греками – Аристотелем и Платоном. И первый и второй исходили из того, что неравенство имеет естественное происхождение и теснейшим образом связано с теми «дарами», которые человек получает от рождения. Именно поэтому благодаря естественным, природным качествам одним людям суждено стать господами, а другим – рабами. И господа, полагал Аристотель, и рабы должны покорно принимать свою судьбу как веление природы: каждый в своем качестве может принести пользу обществу, хотя польза от рабов такая же, как от домашнего скота. Что касается свободных граждан, то они, по представлениям Аристотеля, будучи «политическими животными», имеют полное право активно влиять на то, что происходит в их Отечестве. Но это влияние может быть чувствительным лишь в том случае, если в обществе не будет сверхбогатых индивидов, способных либо игнорировать закон, либо фабриковать его под собственные интересы. Поэтому логичным для гармоничного общества будет изъятие части доходов богатых, что таким образом будет формировать финансовую основу всеобщего блага, с одной стороны, и ограничивая произвол олигархии, с другой. Неравенство необходимо и полезно для общества потому, что позволяет определить сильнейших, дает им возможность отличиться, демонстрируя наилучшие качества, но неравенство, вышедшее из-под контроля, меняет порядок на произвол, да к тому же лишает общества общего блага, опираясь на которое, граждане могли бы влиять на процесс принятия решений.

Миф о естественности неравенства просуществовал вплоть до Нового времени, когда в противоположность ему в общественной мысли возникла и утвердилась иная идея – о первоначальности и природности равенства, возникающего в так называемом естественном состоянии. Следует подчеркнуть, что идея естественного, «дообщественного» состояния легко отыскивается во многих трудах философов Нового времени – от Т. Гоббса до К. Маркса. Ее суть заключается в том, что в самом начале люди жили в гармонии с природой и довольствовались лишь тем, что могли добыть, взаимодействуя с ней непосредственно, не прибегая к изощренным средствам производства. Первобытный коммунизм рассматривался классиками марксизма как ранняя фаза жизни общества, но и, кроме того, как доказательство того, что неравенство не всегда сопровождало жизнь людей: были времена, когда люди были равны, совместно противостоя силам природы. Джон Локк, полемизируя скорее с Т. Гоббсом, чем Ж.-Ж. Руссо, полагал, что в естественном состоянии люди научались жить без взаимного насилия, сохранять свободы и признавать за другим права собственности. Речь шла об этапе познания и обучения, когда рождались первые признаки гражданского общества, которое, считал Дж. Локк, появилось раньше, чем государство, предшествуя его управляющим иерархиям. Таким образом, равенство первоначального состояния, если и существовало, то только как этап становления современного государства, принесшего с собой статусные ранги и, соответственно, неравенство.

В общественной науке XX в. идея природного неравенства приняла иную теоретическую оболочку – функциональной теории, впервые последовательно изложенной в статье Толкотта Парсонса в 1940 г. [*Parsons 1940*]. Суть идеи заключается в том, что социальные ранги назначаются в соответствии с теми ролями, которые люди играют в обществе. Однако сами роли распределяются не случайно, а с учетом способностей индивида, его подготовки, опыта и образования. Образованию Т. Парсонс уделил особое внимание: именно образование становится в современном обществе, во-первых, механизмом справедливого распределения индивидов внутри системы ролей, а во-вторых, важнейшим «осуществителем» идеи справедливости. Таким образом, именно институт образования, его уравнивательная и одновременно соревновательная природа помогают обществу выделять в рядах претендентов, наиболее подходящих для выполнения заданных в социальной структуре ролей. Более полно идея «системного неравенства» изложена в известной статье Кингсли Дэвиса и Уилберта Мура, полагавших, что распределение социальных рангов происходит в обществе в полном соответствии с теми требованиями, которые выдвигает социальная система [*Davis, Moore 1945*]. С этой целью авторы ввели в оборот понятие «функциональной значимости» социальных позиций, выделив при этом наиболее важные роли: руководителя, священника, предпринимателя, инженера. Однако Р. Дарендорф усматривал противоречие в том, как представлены в концепции функциональной значимости общие для всех обществ принципы назначения статуса и вынужденные уступки, на которые идут К. Дэвис и У. Мур, характеризуя различия между обществами. Неясно, почему «высота» социальной стратификации должна быть связана с размером страны или ее традициями, а апелляция к традиции в рамках сугубо формальной схемы выглядит особенно загадочно. Из этого положения можно заключить, что сама «функциональная значимость» обретает смысл только в контексте культуры определенного типа и только там может осуществиться в полной мере.

Идея «функциональности» неравенства подверглась жесткой критике со стороны социологов левой ориентации. Их аргументы были направлены против заявленного априорного положения о нейтральности распределительных институтов. В практиках, имеющих подтверждение данных исследований, социальная система не выглядит объективным «искателем талантов»; ее «приборы наблюдения» настроены так, чтобы обслуживать не производство, а воспроизводство существующего положения вещей [Tumin 1953]. Основным институтом, осуществляющим социальное воспроизводство, является семья, влияние которой, кстати говоря, в функциональной теории необъяснимым образом сведено к минимуму. Между тем именно семья в значительной степени обеспечивает воспроизводство социальных рангов, используя для этого наследование и как юридический институт, и как институт социальный. При этом – и это тоже важный пункт – в рассуждениях о наследовании внимание фокусируется на восходящих трендах или хотя бы воспроизводстве, но при этом остается за кадром проблема «негативного наследования», а именно воспроизводство неблагоприятных обстоятельств жизни, включая пагубные пристрастия и «кастовое» возвращение к низкоквалифицированному труду отцов и матерей. И все же, несмотря на все очевидные слабости и недостатки, в концепции «функциональной значимости» присутствовало, хотя и неявным образом, признание того, что социальный отбор, социальная мобильность – это не стохастические процедуры, а упорядоченный процесс, регулируемый соответствием между индивидуальным выбором и строгой социальной нормой.

Следующий уровень, способный производить неравенство, находится, с точки зрения Р. Дарендорфа, в области разделения труда. Чем сложнее общество, чем более развитой является его производственная база, тем более дробной и, соответственно, иерархичной становятся его организация. Здесь безусловно находятся объективная инфраструктура производства товаров и соответствующая ей иерархия позиций, включая и руководящие. Однако и на этом уровне отсутствует, полагал Р. Дарендорф, механизм производства социальных статусов. Руководитель предприятия не имеет реально более высокого статуса, чем статус рабочего, тем более что сама роль руководителя в современной экономике – это всего лишь набор формально закрепленных прав и обязанностей. Доходы руководителя могут быть выше доходов рабочего, но умеренно, не выходя за рамки разумного с точки зрения тех процессов, которые протекают на предприятии, а его привилегии в повседневной жизни не больше тех, какими обладает любой гражданин.

Тем не менее остаются, по мнению Р. Дарендорфа, важные лакуны, которые не позволяют заключить, что механизм назначения социальных статусов открыт, а процесс может быть полноценно охарактеризован. Р. Дарендорф считал, что в приведенных выше характеристиках процессов производства неравенства явным образом отсутствуют самые важные компоненты – нормообразование и нормоустановление. Нормы, в т. ч. регулирующие распределение, включают в себя необходимость санкций, т. е. обладание властью и ее применение в том случае, если субъект нарушил правила поведения. Нетрудно видеть, что речь идет не о тех абстрактных институтах, о которых объективистски писали К. Дэвис и У. Мур, а о реальных нормах, которые регулируют поведение, распределение, обеспечивают конформность населения, т. е. его согласие с существующим социальным порядком. Неравенство, таким образом, – это не только сопутствующее условие

любого социального порядка, но и конкретная нормативная конструкция, автором которой являются, как правило, властвующие элиты. И здесь, уточнял Р. Дарендорф, время вернуться к одной из точек обсуждения, в которой рассматривался характер взаимодействия между элитой и населением. Если в «организованном обществе» властвующая элита имеет широкие возможности капитализации нарастающего процесса конформности, то в обществе, где уровень организации не имеет имманентной индустриальной основы, взаимодействие властвующей элиты и населения становится менее определенным, а конформность значительной части населения оказывается под вопросом. Этот процесс побуждает институты, удерживающие социальный порядок, действовать более слаженно и репрессивно. Альтернативная стратегия состоит в том, чтобы обеспечить «распределенный» процесс принятия решений, настроив институты таким образом, чтобы рядовые граждане могли быть вовлечены в работу по улучшению положения дел, когда принимаемые решения не являются следствием откровенного диктата властвующих элит, а носят характер компромисса, достигаемого в рамках нового социального контракта. Однако добиться подобного положения можно лишь в том случае, если социальному статусному, ранговому неравенству, которое поощряется властвующей элитой, противостоит политика равенства. Р. Дарендорф полагал, что равенство должно рассматриваться как важнейшее условия сохранения в обществе свободной жизни, с одной стороны, и общественной сплоченности, с другой.

Равенство, по Р. Дарендорфу, может быть двух типов. Первое является продуктом крайнего неравенства, когда властвующая элита овладевает или ставит под свой полный контроль все более или менее ценные ресурсы общества. Одним из следствий подобного экономического устройства становится всеобщая нищета угнетаемого населения, равенство, хотя и нестабильное, не создающее серьезной перспективы развития. Авторитарный лидер, считал Р. Дарендорф, теоретически может довести дело до того, что все, что есть ценного в обществе, будет принадлежать ему или его семье, но это в социальном плане тупиковая ситуация, возможная и отчасти реализовавшаяся в наиболее отсталых странах третьего мира. Второй тип равенства укоренен в системном взаимодействии институтов, обеспечивающих соблюдение принципов гражданства. Именно гражданство представлялось Р. Дарендорфу оптимальной институциональной конструкцией, помогающей преодолеть крайнее неравенство, обеспечивать настоящее равенство возможностей, о котором так любили рассуждать классики политической экономии. В институциональную конструкцию, именуемую гражданством, включаются политические институты, формирующие дееспособные элиты, чувствительные к интересам тех, кто их избрал. В этой среде выращивается плеяда лидеров, привычная к ограничениям, которыми изобилует политическая жизнь. Гражданство имеет не только политическое, но и экономическое измерение, а именно свободу ведения предпринимательской деятельности с соблюдением универсальных условий, заданных контролируемой рыночной системой. И, наконец, гражданство в его современной трактовке предполагает развитую систему социальных обязательств. Существование подобной системы невозможно без массивных трансферов в различные формы социальной поддержки, чаще всего немонетарные, и прежде всего в образование и здравоохранение. Парадоксальный факт заключается в том, что состояние свободы, ее реализация осуществляются только тогда, когда граждане не испытывают крайней нужды, когда у них появляется возможность подняться над уровнем

простого выживания. Бедность и нищета – и это доказано статистически – снижают стимулы к ответственному поведению и, следовательно, ослабляют приверженность нормам цивилизованной, гражданской жизни.

Концепция социального характера в обществе неравенства

В своих рассуждениях Р. Дарендорф анализировал и то, как неравенство влияет на общественное сознание, воздействуя на то, что Н. Элиас охарактеризовал как цивилизационный процесс. Речь идет о становлении в современных обществах так называемого социального характера – набора личностных качеств, обеспечивающих функционирование институционального порядка в том виде, в котором он сформировался исторически. Гипотеза о том, что социально-экономическое устройство способствует становлению в обществе определенных типов, имеет долгую историю. Одним из родоначальников идеи был, разумеется, Макс Вебер, и его идея типов рациональностей, свойственных современному обществу. В дальнейшем о типологических характеристиках в общественном сознании писали Ральф Линтон [Linton 1945], Теодор Адорно [Adorno et al. 2019], Дэвид Рисмэн [Riesman 1961], Алекс Инкелес [Inkeles 1969] и в ранние годы Нил Смелзер [Smelser 1964]. Наиболее критично высказывался на данную тему Чарльз Райт Миллс: унификация, бюрократизация и рутинизация производственных процессов неизбежно приводят к появлению в обществе «улыбчивого идиота» – человека, принимающего социальный порядок со всеми его несправедливостями, слепо доверяющего всему тому, что говорят власти и ее представители в СМИ [Mills 1971]. Крайнее неравенство, которое рождается из эгоизма властвующей элиты, рассматривается им как естественный порядок, отражающий широчайшие возможности восхождения вверх по социальной лестнице, которые предоставляет современному человеку общество. «Улыбчивый идиот» игнорирует то, что общество, декларирующее «народность», «демократию», давно перестало быть таковым; что декларируемые возможности – не более, чем миф; что в реальности общественное богатство и рычаги власти находятся в руках властвующей элиты численностью в 3–4 тыс. чел. Любые движения в сторону равенства эта группа избранных рассматривает как враждебные ее интересам, а обладая тотальным контролем над институтами, гарантирует сохранение своих привилегий, манипулируя системой образования, законами и средствами массовой информации.

«Социальный характер» становится одним из факторов влияния на устойчивость социального порядка, характеризующего крайним неравенством. Однако образцы конформности, которые заключены в этом концепте, переходящи ровно настолько, насколько изменчива среда обитания, в которой действуют люди. Даже в самом бюрократизированном обществе, в котором все институты работают на сохранение существующей системы неравенства, возникают факторы, разрушающие как сложившийся консенсус одобрения, так и сам «социальный характер». Это неизбежно по той причине, что ни одно из современных обществ не может пребывать в состоянии полной автаркии, что гетерономия культурного образца вследствие культурных обменов, наблюдения порядков, которые устроены в разумных комбинациях свободы и равенства, гражданского участия и государственных

обязательств, уже predetermined. «Социальный характер» формируется в тех случаях, когда институциональный порядок статичен, а его основания рассматриваются как незыблемые не только правящей элитой, но и большинством населения. Однако даже в этой ситуации уместно, как это сделал Роберт Мертон, говорить не об одном, а о нескольких «социальных характерах», демонстрирующих по отношению к институциональному порядку разную степень конформности. Общественные ценности, лежащие в основе институционального устройства, провоцируют в разных социальных группах различную степень согласованности между целями и средствами их достижения. Не имея возможности реализовать себя в рамках существующего социального порядка, акторы вырабатывают несколько типичных реакций, которые не сводятся к доминирующим установкам «улыбчивого идиота». Сложившийся нормативный порядок неравенства неизбежно ослабевает в том случае, если одна часть населения уходит в отказ, другая – в протест, а еще одна часть – в инновационное поведение, которое по последствиям может быть не менее разрушительным для существующих институтов, чем мятеж. Институциональный порядок неравенства поддерживается, конечно, за счет санкций, включая репрессии, но в конечном итоге, как полагал Р. Дарендорф, он зависит от того, готово ли население бесконечно долго мириться с навязываемыми ему нормами и ценностями. Изменения неизбежны, но их характер в значительной степени зависит от того, как ведет себя элита, насколько адекватно представляет она себе текущую ситуацию и ее последствия.

Что это значит для России?

Идет время, год за годом, десятилетие за десятилетием, а уровень неравенства в России практически не меняется. Эта устойчивость лишь подтверждает то, что социальная разделенность российского общества – это не случайность, не ошибочность отдельных решений в области социальной политики, а системное качество, воспроизводящееся благодаря специфической конфигурации сложившихся в постсоветском обществе формальных и неформальных социальных и политических институтов. Из этого следует, что уменьшить уровень неравенства можно только посредством осторожных, но последовательных институциональных преобразований – расширения состава участников политического процесса, реформирования экономики в сторону стандартизации требований к экономическим субъектам и повышения прозрачности и подотчетности распределительных процессов, повышения эффективности социальной политики – с тем, чтобы в России возникло, наконец, работающее социальное государство, способное существенно улучшить жизнь наименее благополучных слоев населения. Только институциональные реформы могут повлиять на сложившиеся дистрибутивные практики, локализирующие выгоды от экономической деятельности в небольшой привилегированной группе, улучшить положение дел в образовании, медицине, а в конечном итоге – и в обществе в целом. Реформируя институты, необходимо учесть тонкие, невидимые, но от этого не менее прочные связи между ними: реформы одного института неизменно влияют на нормативные основания в других, соседних институтах, и зачастую эти влияния способны провоцировать то, что в социологии и экономической

науке именуется непреднамеренными последствиями. Альтернативы таким реформам, безусловно, есть: это сохранение существующей системы, которую большинство населения считает несправедливой. В этом случае необходимо подготовиться к тому, что точки социального напряжения в обществе будут умножаться, а социальная ситуация ухудшаться до того момента, когда принимать решения, касающиеся институционального устройства, все равно придется, но происходить это будет в иной, менее благоприятной обстановке, не оставляющей времени для размышлений.

Литература

- Афанасьев В.С. (1988) Глава 2. Давид Рикардо // Черковец В.Н. (ред.) Всемирная история экономической мысли. В 6 томах. Т. II. От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса. М.: Мысль.
- Валлерстайн И. (2020) Анализ мировых систем. М.: Ленанд.
- Дарендорф Р. (2002) Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН.
- де Сото Э. (1995) Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy.
- Миллс Ч.Р. (1959) Властвующая элита. М.: Иностранная литература.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. (1997) Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, Ювента.
- Adorno T., Frenkel-Brenswik E., Levinson D. (2019) *The Authoritarian Personality*, New York: Verso.
- Boudon R. (2010) *Sociologie comme la Science*, Paris: La Decouverte.
- Correll J., Hudson S.M., Guillermo S., Ma D.S. (2014) The Police Officer's Dilemma: A Decade of Research on Racial Bias in the Decision to Shoot // *Social and Personality Psychology Compass*, vol. 8, no 5, pp. 201–213.
- Dahrendorf R. (1968) On the Origin of Inequality among Men // Dahrendorf R. *Essays in the Theory of Society*, Stanford: Stanford University Press, pp. 151–179.
- Davis K., Moore W. (1945) Some Principles of Stratification // *American Sociological Review*, vol. 10, no 2, pp. 242–249.
- Domhoff W. (2017) *The Power Elite and the State*, London: Routledge.
- Freeland C. (2012) *Plutocrats. The Rise of the New Global Super-rich and the Fall of Everyone Else*, New York: Penguin Press.
- Friedman T. (1999) *The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization*, New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Galbraith J. (2016) *Inequality. What Everyone Needs to Know*, Oxford: Oxford University Press.
- Inkeles A., Levinson D. (1969) National Character: The Study of Model Personality and Sociocultural Systems // *The Handbook of Social Psychology* (eds. Lindzey G., Aronson E.), Massachusetts: Addison-Wesley, pp. 418–506.
- Kuznets S. (1955) Economic Growth and Income Inequality // *The American Economic Review*, vol. 15, no 1, pp. 1–28.
- Linton R. (1945) *The Cultural Background of Personality*, New York: D. Appleton-Century Company.
- Living Conditions in Europe – Income Distribution and Income Inequality // Eurostat // https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Living_conditions_in_Europe_-_income_distribution_and_income_inequality&oldid=481137#Income_inequality
- Lukas R. (2002) *Lectures on Economic Growth*, Harvard: Harvard University Press.
- Mills C.W. (1948) *The New Men in Power. Americas Labor Leaders*, New York: Harcourt Brace and Co.

- Mills C.W. (1971) *White Collar: The American Middle Classes*, Oxford: Oxford University Press.
- Novokmet P., Piketty T., Zucman G. (2017) *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016* // NBER. Working Paper. No. 23712 // <http://www.nber.org/papers/w23712>
- Pakulski J., Waters M. (1995) *The Death of Class*, London: Sage Publications.
- Parsons T. (1940) *An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification* // *American Journal of Sociology*, vol. 45, no 6, pp. 841–852.
- Radcliffe-Brown A. (2018) *The Social Organization of Australian Tribes*, New York: Franklin Classics.
- Riesman D. (1961) *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*, Yale: Yale University Press.
- Smelser N. (1964) *Personality and Social Systems*, New York: John Wiley and Sons.
- Sorokin P. (2017) *Social and Cultural Dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships*, London: Routledge.
- Spencer H. (1996) *Collected Writings: Political Institutions*, London: Routledge.
- Stiglitz J. (2003) *Globalization and its Discontents*, New York: Norton Paperback.
- Therborn G. (2013) *The Killing Fields of Inequality*, London: Polity Press.
- Tumin M. (1953) *Some Principles of Stratification: A Critical Analysis* // *American Sociological Review*, vol. 18, no 4, pp. 387–394.
- Turner J.H. (1997) *The Institutional Order*, New York: Longman.

The Institutional Foundations of Inequality in Modern Society

M. CHERNYSH*

***Mikhail Chernysh** – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Sociology, Deputy Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: che@isras.ru

Citation: Chernysh M. (2021) *The Institutional Foundations of Inequality in Modern Society*. *Mir Rossii*, vol. 30, no 3, pp. 6–28 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28

Abstract

Inequality has again become one of the most urgent and difficult problems in modern societies. Economic inequality, and inequality in other social dimensions, has shown a tendency to grow in developed and developing countries. In the social sciences, studies of inequality have a long history. In many explanatory schemata, priority is given to social and political institutions. Whereas in the mid 20th century institutions were routinely qualified as objective, naturally evolving systems of norms, serving to ensure the cohesion of social practices, further studies referring to complex societies emphasized that institutions are a product of the relationship between the power elite and civil society. When civil society and its organizations grow weaker and when society loses its “subjectivity”, the power elites strengthen their hold and manipulate norms

to their benefit. The achieved consensus of conformity breaks down as soon as society ceases to be industrial and loses the dominance of routines and bureaucracy in social life. In increasingly complex societies, public demand for egalitarian policy is growing, presuming not only equality in legislation, but also social equality embodied in the idea of a developed welfare state.

Keywords: social institutions, inequality, classes, status differences, power elite, civil society, social character

References

- Adorno T., Frenkel-Brenswik E., †Levinson D. (2019) *The Authoritarian Personality*, New York: Verso.
- Afanasiev V.S. (1988) Glava 2. David Rikardo [Chapter 2. David Ricardo]. *Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli*. V 6 tomakh. T.II. Ot Smita i Rikardo do Marksa i Engel'sa [World History of Economic Thought. In 6 vols. Vol. II. From Smith and Ricardo to Marx and Engels] (ed. Cherkovets V.N.), Moscow: Mysl'
- Boudon R. (2010) *Sociologie comme la Science*, Paris: La Decouverte.
- Correll J., Hudson S.M., Guillermo S., Ma D.S. (2014) The Police Officer's Dilemma: A Decade of Research on Racial Bias in the Decision to Shoot. *Social and Personality Psychology Compass*, vol. 8, no 5, pp. 201–213.
- Dahrendorf R. (1968) On the Origin of Inequality among Men. *Dahrendorf R. Essays in the Theory of Society*, Stanford: Stanford University Press, pp. 151–179.
- Dahrendorf R. (2002) *Sovremennyy sotzialnyj konflikt. Ocherk politiki svobody* [The Modern Social Conflict: An Essay on the Politics of Liberty], Moscow: ROSSPEN.
- Davis K., Moore W. (1945) Some Principles of Stratification. *American Sociological Review*, vol. 10, no 2, pp. 242–249.
- de Soto H. (1995) *Inoj put': nevidimaya revoliutsiya v tretiem mire* [The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World], Moscow: Catallaxy.
- Domhoff W. (2017) *The Power Elite and the State*, London: Routledge.
- Freeland C. (2012) *Plutocrats. The Rise of the New Global Super-rich and the Fall of Everyone Else*, New York: Penguin Press.
- Friedman T. (1999) *The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization*, New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Galbraith J. (2016) *Inequality. What Everyone Needs to Know*, Oxford: Oxford University Press.
- Horkheimer M., Adorno Th.W. (1997) *Dialektika Prosveschenia. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment], Moscow, Saint Petersburg: Medium, Yuventa.
- Inkeles A., Levinson D. (1969) National Character: The Study of Model Personality and Sociocultural Systems. *The Handbook of Social Psychology* (eds. Lindzey G., Aronson E.), Massachusetts: Addison-Wesley, pp. 418–506.
- Kuznets S. (1955) Economic Growth and Income Inequality. *The American Economic Review*, vol. 15, no 1, pp. 1–28.
- Linton R. (1945) *The Cultural Background of Personality*, New York: D. Appleton-Century Company.
- Living Conditions in Europe – Income Distribution and Income Inequality. *Eurostat*. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Living_conditions_in_Europe_-_income_distribution_and_income_inequality&oldid=481137#Income_inequality, accessed 15.05.2021.
- Lukas R. (2002) *Lectures on Economic Growth*, Harvard: Harvard University Press.
- Mills C.R. (1959) *Vlastvuyuschaya elita* [The Power Elite], Moscow: Instrannaya literature.

- Mills C.W. (1948) *The New Men in Power. Americas Labor Leaders*, New York: Harcourt Brace and Co.
- Mills C.W. (1971) *White Collar: The American Middle Classes*, Oxford: Oxford University Press.
- Novokmet P., Piketty T., Zucman G. (2017) From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. *NBER Working Paper*. No. 23712. Available at: <http://www.nber.org/papers/w23712>, accessed 15.05.2021.
- Pakulski J., Waters M. (1995) *The Death of Class*, London: Sage Publications.
- Parsons T. (1940) An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification. *American Journal of Sociology*, vol. 45, no 6, pp. 841–852.
- Radcliffe-Brown A. (2018) *The Social Organization of Australian Tribes*, New York: Franklin Classics.
- Riesman D. (1961) *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*, Yale: Yale University Press.
- Smelser N. (1964) *Personality and Social Systems*, New York: John Wiley and Sons.
- Sorokin P. (2017) *Social and Cultural Dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships*, London: Routledge.
- Spencer H. (1996) *Collected Writings: Political Institutions*, London: Routledge.
- Stiglitz J. (2003) *Globalization and its Discontents*, New York: Norton Paperback.
- Therborn G. (2013) *The Killing Fields of Inequality*, London: Polity Press.
- Tumin M. (1953) Some Principles of Stratification: A Critical Analysis. *American Sociological Review*, vol. 18, no 4, pp. 387–394.
- Turner J.H. (1997) *The Institutional Order*, New York: Longman.
- Wallerstein I. (2020) *Analiz mirovykh system [World-system Analysis]*, Moscow: Lenand.